

Но такой подход как раз и ведёт к тому, что исследуются не реальные процессы, а некие «духи», вроде розенберговских «-tup»-ов (см. ниже, III.6), самим же автором абстрагированные от реальности. Европа, Россия, Евразия, Украина, евреи — всё это предстаёт как единые сущности без составных частей. В результате, например, всей Европе адресуются упрёки, которые должны были бы относиться только к некоторым европейцам, а порой — даже и к немногим.

Вот лишь один случай такого рода: «Социализм, коммунизм, анархизм — всё это “светлые идеалы грядущего высшего прогресса”, но только лишь тогда, когда их проповедует современный европеец. Когда же эти “идеалы” оказываются осуществлёнными в быте дикарей, они сейчас же обозначаются как проявление первобытной дикости» (Трубецкой 2007 {1920}: 116—117). Это явная передержка, основанная на смешении всех оппонентов в один фантомный образ. Идеологи национального неравенства и превосходства народов-колонизаторов не были социалистами. А социалисты могли видеть отсталость первобытных народов в чём угодно, но только не в коллективной собственности и не в отсутствии государственной машины. Достаточно напомнить известную идею Маркса о спиральном пути общественного развития, согласно которой коммунизм будет повторением «первобытного коммунизма», но на более высокой ступени, с учётом исторического опыта. Так с кем же конкретно спорит Н. С. Трубецкой в этом вопросе?

В своё время Д. Бен-Гурион поразил мир максимой: «Каждый народ имеет право на своих мерзавцев». Это значит: если кто-то из моих соплеменников что-то где-то украл — он отвечает лично, а не вместе со всем народом. Пушкин не в ответе за Малюту Скуратова только потому, что он тоже русский, но точно так же и Гёте не в ответе за Гитлера, Окуджава — за Сталина, а Эйнштейн — за Шейлока или Азефа. У каждого свой личный счёт заслуг и вины, вне всякой связи с «пятой графой» и «национальным духом». Забвение этого принципа и есть шовинизм, пусть даже в другой оболочке. И даже если сам автор испытывает к шовинизму отвращение, даже если уничтожает его на словах, — признание «национального духа» превыше личности открывает для шовинизма — идеологии совершенно бездарной и потому неспособной принять какую-либо окончательную форму — новую лазейку в сознание будущих поколений. И шовинизм прорвётся под лозунгами «великих основоположников», якобы чуть ли не благословивших этнические чистки. Ни Гёте, ни Ницше, ни Макс Вебер не согласились бы с тем, как использовалось их наследие в Третьем рейхе.

Наконец, культурализм «Ура Линды» вытекает из всего изложенного. Правда, как отмечает А. В. Кондратьев (2007: 96), эта книга лишена моментов вождизма, что, однако, не помешало Г. Вирту (2007: 411, 413) завершить своё исследование напыщенным панегириком Гитлеру.

III.5. Роль ландшафта

А. Розенберг не уделял природе сколько-нибудь серьёзного внимания, предпочитая, по традиции немецких мистиков и философов-идеалистов, конструировать её из глубин собственного духа. Лишь рассуждая о происхождении «нордических арийцев», он ссылается на свои поверхностные (и, как мы видели, фантастические) представления о полярной природе «золотого века» и о её влиянии на душевный

склад «нордических» людей. Рассуждения эти совершенно беспочвенны и легко опровергаются этнографическими параллелями: мифология эскимосов, чукчей или саамов нимало не напоминает гипотетическую солярную мифологию столь же гипотетических «нордических арийцев», якобы возникшую под влиянием той же северной природы с её затяжными ночами.

Л. Н. Гумилёв, напротив, определял этнос только через его связь с «вмещающим ландшафтом» (экологической нишей), так что упреки в географическом детерминизме раздавались по его адресу постоянно. Конечно, было бы вернее говорить не о географическом, а о биологическом (расовом) детерминизме — при том, что как раз профессиональным биологом Гумилёв не был.

Вправду ли этнос определяется лишь «вмещающим ландшафтом»? Неужели ландшафтов на Земле столько же, сколько и этносов? И где вообще границы «ландшафта», понимаемого иначе, чем природная зона в смысле В. В. Докучаева и Л. С. Берга? Э. С. Кульпин, один из интереснейших современных продолжателей Л. Н. Гумилёва, пишет:

«Дореволюционная Россия, как и Советский Союз, размещалась во вмещающем ландшафте с чётко обозначенными естественными рубежами: на севере — Ледовитый океан, востоке — Тихий океан, юге — Чёрное море, Кавказские горы, Каспий, пустыни и горы Средней Азии, Алтай, Саяны, наконец, великая река Амур. Лишь на западе нет столь чётких рубежей, за исключением Карпат и Балтии. Россия заняла огромный вмещающий ландшафт <...>. Итак, с позиций СЕИ⁵⁶ народы, живущие в таком вмещающем ландшафте, как российский, обречены на слияние в суперэтнос <...>. Но, может быть, этот “котёл” имеет большие размеры?» (Кульпин 1995).

Не будем пока замахиваться на «бóльшие», остановимся хотя бы на указанных «размерах». Даже здесь мы обнаруживаем не один «вмещающий ландшафт», а всю их палитру от арктических пустынь до пустынь аридной зоны. Далее, «пустыни и горы Средней Азии» служили «естественным рубежом» России недолго — всего лишь с 1860-х годов. До этого Средняя Азия политически и культурно была связана скорее с Ираном. И можно ли считать Амур не только государственной границей, но и ландшафтной, если природные условия Забайкалья и Большого Хингана куда более сходны между собой, чем, скажем, с условиями Поволжья? Здесь не политическая карта определяется ландшафтом, а ландшафт в глазах исследователя окрашивается в цвета политической карты. Возьмите любую карту природных зон, и вы увидите, что практически нигде их границы не совпадают с государственными. Стоит ли в таких условиях заниматься пророчествами о том, что такие-то народы «обречены на слияние в суперэтнос»? Здесь мы выходим из области науки в область политических пристрастий.

И А. Дж. Тойнби, и особенно О. Шпенглер ссылаются на влияние ландшафта на культуру, при этом без строгого научного анализа — на уровне либо декларативном, либо поверхностном. А это заставляет заподозрить, что и здесь перед нами — не научная гипотеза, а мифологема. И частота её встречаемости говорит о важности этой мифологемы для исторического мифа.

⁵⁶ СЕИ — «социоестественная история» (как история взаимоотношений между человеком и биосферой), термин, предложенный Э. С. Кульпиным.

О. Шпенглер упоминает ландшафт довольно часто, но лишь в самом общем виде. Так, он допускает «возможность того, что искусствам отведён определённый срок жизни, что они связаны с известным ландшафтом и известным типом человека, будучи их выражением» (Шпенглер 1993: 150). Не раз он противопоставляет культуру (историю) и природу — соответственно как становление и ставшее, *das Werden* и *das Sein* (: 134, 203—204, 250 и др.). По его мнению: «Природа — это то, что подлежит счислению. История есть совокупность того, что не имеет к математике никакого отношения» (Шпенглер 1993: 206). Природа подчинена законам, которые можно установить научно, для культуры их заменяет судьба, в рассуждениях о которой Шпенглер порой доходит до мистицизма. Складывается впечатление, что «природа» для него — такая же чуждая стихия, как для Гегеля (о котором шутили, что любой берлинский анекдот для него важнее Солнца), а «ландшафт» — формула заклинания культурно-исторического духа.

А. Дж. Тойнби уделяет ландшафту гораздо больше внимания, и выводы его куда интереснее. Прежде всего, он исследует «традиционное мнение, согласно которому благоприятные климатические и географические условия, безусловно, способствуют общественному развитию», и обнаруживает, что оно «оказывается неверным. Наоборот, исторические примеры показывают, что слишком хорошие условия, как правило, поощряют возврат к природе, прекращение всякого роста» (Тойнби 1991: 120). Это и понятно, ведь Вызовы, стимулирующие развитие культуры, по его мнению, могут исходить либо из человеческого, либо из природного (экологического) окружения. Однако чрезмерная мощь природного Вызова также вредна: она ведёт к задержке развития цивилизации. Это Тойнби демонстрирует на примере эскимосов (: 182—183) и кочевников:

«Ужасные физические условия, которые им удалось покорить, сделали их в результате не хозяевами, а рабами степи. Кочевники, как и эскимосы, стали вечными узниками климатического и вегетационного годового цикла. Наладив контакт со степью, кочевники утратили связь с миром» (: 186).

Такую же безрадостную картину А. Дж. Тойнби рисует и для эскимосов:

«Адаптация их к суровым арктическим условиям просто поразительна и, безусловно, требовала наивысшего напряжения всех человеческих способностей. <...> Наказанием за умелое приспособление к арктическому окружению и использование скрытых Севером богатств стало жёсткое подчинение жизни эскимосов годовому циклу сурового арктического климата. <...> Тирания арктической природы властно вводит столь жёсткое расписание жизни арктического охотника, что оно, пожалуй, сравнимо с тиранией “научного управления”» (Тойнби 1991: 182—183).

Итак, человек, разумеется, часть Вселенной, как и природа, но эта связь требует осмысления, её нельзя понимать слишком прямолинейно. Чересчур благодатная природа лишает общество стимула к развитию, слишком суровая — загоняет в тупик.

Таким образом, британский автор не игнорирует значение ландшафта, но и не рассматривает его как некую мистическую сущность, которая влияет на исторические процессы, сама оставаясь непознаваемой. Он рассматривает влияние ландшафта в каждом случае конкретно и не прибегает к нему каждый раз, когда в его теории не уязвываются концы. Это и отличает его сочинение от исторического мифа.

В предисловии «*К проблеме русского самосознания*» кн. Трубецкой обосновывает теоретически: «Мало того, личность реально существует в определённом физическом окружении, между этим окружением и личностью устанавливаются теснейшие связи. Для личностей многочеловеческих (народных и многонародных) эта связь с физическим окружением (с природой территории) настолько сильна, что приходится говорить прямо о неотделимости данной многочеловеческой личности от её физического окружения и рассматривать это физическое окружение как продолжение данной многочеловеческой личности, во всяком случае, как некоторый её коррелят...» (Трубецкой 2007 а {1927}: 154).

Возражать против этого в самом общем виде сложно: как ни судить, а человек — часть природы, этого не отрицает даже марксизм. Но общего суждения мало, нужно ещё определить, каково это «физическое окружение» и как именно оно влияет на характер культуры. И во «*Взгляде на русскую историю...*» кн. Трубецкой это делает, и тут цитировать придётся почти полностью:

«Географически территория России как основного ядра монгольской монархии может быть определена следующей схемой. Существует длинная, более или менее непрерывная полоса безлесных равнин и плоскогорий, тянущаяся почти от Тихого океана до устьев Дуная. Эту полосу можно назвать системой степи. С севера она окаймлена широкой полосой лесов, за которой идёт полоса тундр. С юга система степи окаймлена горными хребтами. Таким образом, имеются четыре тянущиеся с запада на восток параллельные полосы: тундровая, лесная, степная, горная. В меридиональном направлении, т. е. с севера на юг или с юга на север, вся эта система четырёх полос пересекается системами больших рек. Такова сущность внутреннего географического строения рассматриваемой географической области. Внешние очертания её характеризуются отсутствием выхода к открытому морю и отсутствием той изорванности береговой линии, которая так типична, с одной стороны, для Западной и Средней Европы, с другой, — для Восточной и Южной Азии. Наконец, в отношении климатическом вся рассматриваемая область отличается как от Европы, так и от собственно Азии целым рядом признаков, которые можно объединить под выражением “континентальность климата”: резкое различие между температурой зимы и лета, особое направление изотерм и ветров и т. д. Все это, вместе взятое, позволяет отделять рассматриваемую область от собственно Европы и собственно Азии и считать её особым материком, особой частью света, которую в отличие от Европы и Азии можно назвать Евразией» (Трубецкой 2007 {1926}: 294—295).

Географическая рамка очерчена чётко. В таком случае взглянем на карту. Правда ли, что «Россию-Евразию» ограничивают с юга горные цепи? Её границы достигли Тянь-Шаня только в 1876 г. (покорение Средней Азии), за 14 лет до рождения самого Н. С. Трубецкого, и удержались на этой линии до 1991 г. Правда ли, что «горная полоса» кончается Тянь-Шанем, а не Тибетом (России никогда не принадлежавшим)? Правда ли, что степная полоса тянется только до «устий Дуная»? Её крайняя западная точка — Альфельд, но о включении в «Россию-Евразию» этой зоны (Восточной Венгрии), кажется, не помышляли даже экстремисты времён империи. Секретные договоры накануне Первой мировой войны проводили западную границу России не дальше Карпатской дуги. Правда ли, что степь «пересекается системами больших рек» на всём протяжении — в том числе на пространстве меж-

ду Волгой и бассейном Оби? Правда ли, что зона полупустынь и пустынь Средней Азии не заслуживает отдельного упоминания, а субтропики Крыма и Кавказа ближе к «Евразии», чем к Италии и Турции? Правда ли, что эта Евразия не выходит «к открытому морю» — ни к Балтийскому, ни к Чёрному, ни к Белому морю, ни к Тихому океану? Правда ли, что на всей этой территории климат континентальный — и в Петербурге, и в Бессарабии, и в Западной Белоруссии: ведь если эти края «теперь отторгнуты, то это есть явление временное, и рано или поздно природа возьмёт своё» (Трубецкой 2007 {1926}: 293)? А почему тогда не входит в эту зону Иран? Почему входит Бессарабия, но не Валахия (при Ногае зависимая от Золотой Орды)? Не Монголия и Синьцзян, о присоединении которого к России мечтал ещё Н. М. Пржевальский?

Пропустим антропологическое описание населения этой зоны. Н. С. Трубецкой констатирует, что все её жители соединены взаимными переходами. Но это — лишь признание факта, что чистых рас не только нет, но и никогда не было на всей планете. «Евразия» тут не только не исключение, но даже не особый случай.

«Таким образом, вся Евразия в вышеупомянутом смысле этого слова представляет собой географически и антропологически некое единое целое. Наличие в этом целом таких разнообразных по своему природному и хозяйственному характеру частей, как леса, степи и горы, и существование между этими частями естественной географической связи позволяет рассматривать всю Евразию как до известной степени самодовлеющую хозяйственную область. Благодаря всему этому Евразия по самой своей природе оказывается исторически предназначенной для составления государственного единства» (Трубецкой 2007 {1926}: 294—295).

Заметим здесь же, что эту идею практически повторит Э. С. Кульпин (1995), притом чуть ли не теми же словами (мы их уже приводили чуть выше). Заметим попутно, что называть единым «вмещающим ландшафтом» территорию, включающую как минимум четыре природных зоны, перечисленные Н. С. Трубецким и, в свою очередь, делящиеся ещё более дробно (так, тайга и лиственный лес слишком различны, чтобы считать их единой «зоной лесов»), — явная натяжка. Автору этих строк уже доводилось писать об этом подробнее (Мосионжник 2003: 104—109, 123—127).

Но эта логика позволяет рассматривать «как до известной степени самодовлеющую хозяйственную область» практически любой регион на планете. Точно так же китайцы, если бы им удалось захватить Вьетнам, могли бы аргументировать его «предназначенность для составления государственного единства» практически теми же словами. Впрочем, нечто подобное в КНР и делалось, причём едва ли не по рецептам евразийцев. Так, во времена Мао Цзэдуна Чингисхан из захватчика превратился в создателя государственного единства нынешней КНР. Ведь в состав империи Юань точно так же входили все части КНР (кроме Синьцзяна), как в состав Золотой Орды — все части будущей Российской империи — СССР (Трубецкой 2007 {1926}: 293). Логика известна, осталось только перенести её на другую страну. А кроме того, ведь империя Юань включала не только Монголию, которую Н. С. Трубецкой включал в естественные границы «России-Евразии», но и южную Сибирь. Чья же она теперь с точки зрения экологии? И главное — где *объективный* критерий для решения этого вопроса?

Читаем дальше.

«Государственное объединение Евразии было с самого начала исторической необходимостью. Но в то же время сама природа Евразии указывала и на способ этого объединения. С точки зрения древнейших времён путями сообщения могли служить только реки и степи: горы и леса с этой точки зрения были неудобны, а тундра вообще не может идти в расчёт как область слишком неблагоприятная для развития какой бы то ни было человеческой деятельности. Мы уже видели, что системы больших рек на территории Евразии идут большей частью в меридиональном направлении, тогда как система степей проходит через всю Евразию с востока на запад. При этом речных систем много, а система степи в принципе одна. Отсюда следует, что путь сообщения между востоком и западом — один, а путей сообщения между севером и югом — несколько, причем все эти (речные) дороги между югом и севером пересекают и (степную) дорогу между востоком и западом. С точки зрения исторической задачи государственного объединения Евразии отсюда вытекает следующий важный факт: всякий народ, овладевший той или иной речной системой, оказывался господином только одной определённой части Евразии; народ же, овладевший системой степи, оказывался господином всей Евразии, так как, господствуя над протекающими через степь отрезками всех речных систем, он тем самым подчинял себе и каждую из этих речных систем в её целом. Итак, объединить всю Евразию могло только государство, овладевшее всей системой степи» (Трубецкой 2007 {1926}: 295—296).

Здесь Н. С. Трубецкой повторяет идею, высказанную ещё С. М. Соловьёвым в первой же главе его *«Русской истории»*. Идеи эти явно носят лишь предварительный характер: напомним, что в момент выхода 1-го тома *«Русской истории»* его автору, ординарному профессору Московского университета, был лишь 31 год. Уже здесь Русская равнина делится на четыре историко-географические области по течению рек (Новгородская, Западной Двины, Днепра и Верхней Волги), из чего и выводятся исторические закономерности: «так как самые большие из них [рек] текут на восток или юго-восток, то этим установилось и преимущественное распространение Русской государственной области в означенную сторону» (Соловьёв 1988 {1851}: 59).

Рассуждая о причинах отделения Пскова от Новгорода в самостоятельное государство, этот же автор замечает: «здесь между другими обстоятельствами нельзя не предположить и влияние природы, потому что Псковская область принадлежит к отдельной речной системе» (Соловьёв 1988 {1851}: 61). И далее, вплоть до рассуждения о том, что естественные границы государств совпадают с границами речных бассейнов: «Как Полоцкое княжество есть область Западной Двины, так Литва есть область Немана, Польша — область Вислы» (: 64); «Пётр Великий отнял низовье Двины у шведов, вследствие чего положение Двинской области стало ещё затруднительнее, потому что верховье и устье находились в области одного государства, а середина — в области другого. При Екатерине II Двинская область была выведена из этого неестественного положения» (: 63).

Видимо, именно в идее связи ландшафта с культурой — корень враждебности подобных мифов ко всем народам, живущим в диаспоре (ср. Клейн 1992: 229). Ведь наравне с евреями расценивались единственные «истинные арийцы» Европы — ромы, а также айсоры и другие народы. Их существование в отрыве от родного ландшафта необъяснимо с точки зрения такого мифа. И столь же необъяснима с этой точки зрения современная культура развитых стран, для жителей которой

«вмещающий ландшафт» — давно уже не лес и не степь, а ландшафт большого города. Эти народы так же нарушают стройность авторской концепции, как и народы диаспоры, — не в этом ли причина досады теоретика на них? Только возврат в мир деревень, замков и небольших городов, из ворот которых горожане каждое утро выгоняют на общинный луг своих гусей и свиней, мог бы удовлетворить этих теоретиков. Но такой мир не прокормил бы и десятую часть нынешнего населения планеты, возврат в него невозможен без геноцида. Так чего же добиваются эти «патриоты»?

Да, в нынешней России русских всего около 80 млн. — меньше, чем по последней союзной переписи. Но не забудем, что к началу промышленного переворота вся Россия насчитывала что-то около 30 млн. — и страдала от аграрного перенаселения! А сейчас, напротив, — территорию нечем занять!

III.6. Этнические стереотипы

Однако классический расизм столкнулся с неразрешимой для себя проблемой: с точки зрения его теоретических взглядов, раса — это и биологический, и культурный тип, на деле же в любом современном этносе встречаются разные физические типы. В конечном счёте пришлось сделать вывод: этносы или расы различаются не столько по фенотипу, сколько по стереотипам поведения и ценностям.

И у Розенберга, и у Гумилёва выходит, что общество и история — результат активности особых групп, различающихся прежде всего психологически. В истории действуют не столько личности, сколько духовные субстанции. Это своего рода психологическая история: все события объясняются психологией своих «авторов», а её корни — врождёнными и наследственными, зависящими либо от случайностей «пассионарного толчка», либо восходящими к предкам полубожественного рода.

Отсюда в *«Мифе XX века»* масса однообразных и довольно неуклюжих терминов с суффиксом “-tum” («-ство»). Вот лишь неполный их перечень, в котором указаны только страницы с первым упоминанием: «Untermenschentum» — «недо-человечество» или «дух недочеловека» (Rosenberg 1934: 6), «Deutschtum» — «немецество» (: 8), «Hugenottentum» — «гугенотство» (: 11), «Judentum» — «еврейство» (: 12), «Germanentum» — «германство» (: 14), «Arbeitertum» — «рабочие» или «дух рабочих» (: 17), «Herrschartum» — «дух господ» (: 34), «Vorderasiatentum» — «переднеазиатство» (: 35), «Mänadentum» — «менадизм» (: 36), «Griechentum» — «эллинизм» (: 37), «Amazonen- und Hetärentum» — «амазонство и гетеризм» (: 39), «Vorgriechentum» — «догреческий дух» (: 42), «vorderasiatisches Mischlingstum» — «переднеазиатский дух помесей» (: 45), «Asphaltmenschentum der Weltstädte» — «дух асфальтового человека мировых городов» (: 61), «Etruskertum» — «этрусский дух» (: 61), «Römertum» — «романство» (: 77), «Heldentum» — «геройство» (: 84), «Westgotentum» (: 89), «Tschechentum» — «чехство» (: 108), «Pan-Europäertum» — «всеевропейство» (: 112), даже некое «Etrusko-Pelasgo-Syriertum» — «дух этрусков, пеласгов и сирийцев» (: 158, как сущность римско-католического духа) и т. д.

Все группы такого рода польский исследователь современного расизма Рафал Панковский, опираясь на труды целой научной школы (включающей таких видных культурных антропологов, как Стюарт Холл и Пол Гилрой), называет «воображаемыми общностями», конструируемыми искусственно. Даже расовые разли-